

ВЯТСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

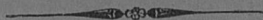
ИЗДАВАЕМЫЯ

при

ВЯТСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРІИ.

1866.

№ 9.

ВЯТКА.

Въ Типографіи К. Блинова.

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 9. 1866 г. МАЯ 4-го.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ И ПОСТАНОВЛЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Распоряженіе епархіальнаго начальства. Объ извѣщеніи Высочайшей благодарности.

6-го ч. сего апрѣля 1866 года, послѣ благодарственнаго Господу Богу молебствія (*) за сохраненіе драгоценной жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, представителями всѣхъ сословій г. Вятки отправлена была къ г. министру внутреннихъ дѣлъ телеграмма слѣдующаго содержанія: «жители всѣхъ сословій города Вятки, и

(*) Радостная вѣсть о спасеніи драгоценной жизни Отца 70-ти милліоннаго нашего царства отъ руки злодѣя, чрезъ телеграмму отъ министра внутреннихъ дѣлъ изъ Петербурга, достигла г. Вятки 5-го апрѣля. По этому случаю на другой день, именно 6-го апрѣля, въ кафедральномъ соборѣ совершено было сіе благодарственное Господу Богу молебствіе Преосвященнѣйшимъ Агаангеломъ со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, при необыкновенномъ стеченіи богомольцевъ всякаго сословія, пола и возраста.

квартирующія здѣсь войска, повергнутые въ негодова-
ніе и ужасъ извѣстіемъ, сообщеннымъ телеграммою
Вашего Высокопревосходительства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ,
проникнутые сердечною благодарностію провидѣнію за
сохраненіе драгоценныхъ дней обожаемаго своего
ГОСУДАРЯ Отца, принесли сей часъ благодарствен-
ное Господу Богу молебствіе и приемятъ смѣлость
просить Ваше Высокопревосходительство повергнуть
къ стопамъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА одушевляющія всѣхъ
ихъ чувства вѣрноподданнической преданности».

Отъ 9 апрѣля г. начальникъ вятской губерніи
сообщилъ Его Преосвященству, для объявленія под-
вѣдомымъ Его Преосвященству лицамъ, что министръ
внутреннихъ дѣлъ, по поводу депеши отъ 6 апрѣля,
телеграммою увѣдомляетъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРА-
ТОРЪ изволилъ благодарить за подданническія чув-
ства.

Резолюціею Его Преосвященства на семь отно-
шеніи предписано: «1866. апр. 12. Высочайшая ЕГО
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА благодарность
объявлена духовенству города Вятки сего 12 апрѣля.
Напечатать содержаніе сего отношенія въ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостяхъ вмѣстѣ съ содержаніемъ телеграм-
мы, въ которой выражены были вѣрноподданническія
чувства всѣхъ сословіи здѣшняго края».

*Два предложенія Преосвященнѣйшаго Агапела,
Епископа вятскаго и слободскаго и кавалера, вятской
духовной консисторіи по случаю радостнаго извѣстія о
спасеніи жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ зло-
дѣйскаго покушенія.*

1-е отъ 17-го апрѣля 1866 года № 1977.

Страшное бѣдствіе, въ которое замышлялъ извергъ
человѣчества повергнуть 4-го сего апрѣля Россію,

отклонено Премудрою Десницею Господа, милующаго отечество наше. Въмѣсто горькой и безутѣшной печали, готовою поразить семьдесятъ милліоновъ россіянъ и отстоявшей на мгновение ока, Всевидящій Промыслъ Божій устроилъ намъ радость и веселіе. Радуется вся Россія о Возлюбленномъ Царѣ своемъ, объ Отцѣ своемъ, о Величайшемъ своемъ Благодѣтель. Онъ съ нами! Онъ среди насъ! Мы не лишены счастья видѣть Его, слышать Его! Новая Государственная жизнь, которую Онъ даруетъ намъ, жизнь счастья и любви, будетъ еще истекать отъ сердца Его, полного любви! Свѣтъ Его ума, осѣняющій насъ, будетъ еще осѣнять и радовать насъ! Теплота Любящаго, Отеческаго сердца Его, будетъ еще согрѣвать насъ, даруя всѣмъ намъ блаженное, радостное чувство бытія. Красное Солнце Россіи не перестало сіять; оно еще будетъ озарять ее!

Всѣ сословія вятской епархіи, единодушно проникнутыя сими чувствами, желаютъ, чтобы день, который сатавинская злоба хотѣла сдѣлать днемъ тмы и рыданій по всему пространству Россіи, но который Всеблагимъ Господомъ сдѣланъ днемъ радостныхъ ликовацій, чтобы этотъ день воспоминался каждый годъ, какъ день Безпредѣльной милости Божіей къ Россіи.

Предлагаю консисторіи дать знать указами по епархіи, чтобы, согласно съ желаніемъ всѣхъ сословій епархіи, было отправляемо ежегодно въ 4-й день апрѣля, или въ ближайшій къ нему праздничный день, смотря по стеченію народа, благодарственное Господу Богу молебствіе о сохраненіи драгоценной жизни ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА. При чемъ желательно, чтобы по этому случаю произносимо было краткое слово въ память столь радостнаго дня

всѣхъ событія, съ благодарнымъ упоминаніемъ о крестьянинѣ, нынѣ дворянинѣ, Іосифѣ Комисаровѣ Костромскомъ, особенно въ тѣхъ приходахъ, къ которымъ принадлежать крестьяне.

2-е отъ тогоже 17-го апрѣля 1866 года № 1976.

Злодѣйскій умыселъ, направленный 4-го сего апрѣля противъ священной особы Помазанника Божія, отклоненъ Благодарѣтельствующимъ Отечеству Нашему Промысломъ Божиимъ. Духовенство вятской епархіи, въ безпредѣльной благодарности къ Господу Богу, желая вмѣстѣ со всѣми соотечественниками увѣковѣчить память этой милости Божіей, признаетъ потребнымъ, чтобы мѣсто, на которомъ злодѣй умышлялъ совершить безпримѣрное въ исторіи отечества нашего преступленіе и которое осквернено его злодѣйскимъ замысломъ, освящено было устройеніемъ на ономъ часовни, гдѣ всегда теплилась бы лампада предъ иконою Вседержителя, блюдущаго избраннаго Имъ, Благодарѣтельнѣйшаго изъ царей земныхъ, совершающаго для миліоновъ подданныхъ благотворенія за цѣлыя столѣтія, царя, защитника, покровителя и благодарѣтеля святой Христовой Церкви. Съ этою цѣлію духовенство вятской епархіи желаетъ принести отъ себя и отъ церквей своихъ лепту, которая бы обращена была или на устройство самой часовни или на изготовленіе для ней иконы съ изображеніями Святыхъ, имена которыхъ носятъ Особы Царственнаго Дома, съ лампадою предъ сею иконою и съ надписью внизу: отъ церквей и духовенства вятской епархіи.

Почему предлагаю консисторіи съ прописаніемъ сего предложенія дать знать по епархіи всему духовенству, чтобы пожертвованія на этотъ предметъ отъ

себя и церквей оно присылало въ консисторію, сколько возможно въ непродолжительный срокъ.

О крестныхъ ходахъ—Великорѣцкомъ и Куринскомъ, имѣющихъ совершиться въ настоящемъ 1866 году изъ вятскаго Каѳедральнаго собора.

Священно-и-церковно-служителямъ вятской епархіи объявляется, для должныхъ распоряженій, что по древнему обычаю и съ разрѣшенія Его Преосвященства, имѣютъ совершиться въ текущемъ году крестные ходы съ св. Иконами изъ вятскаго Каѳедральнаго собора а) орловскаго уѣзда въ село Великорѣцкое, на мѣсто явленія чудотворнаго образа Святителя Николая, съ 21-го по 28-е число мѣсяца мая, и б) котельническаго уѣзда въ село Куринское, на мѣсто явленія иконы Св. Архистратига Михаила, съ 1-го іюня по 8-е іюля, съ отправленіемъ, какъ въ помянутыхъ, такъ и въ другихъ лежащихъ на пути мѣстахъ, особыхъ празднествъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

При совершеніи крестнаго хода изъ Каѳедральнаго собора въ село Великорѣцкое: 21-го мая, въ субботу пятидесятницы, отправленіе св. иконъ изъ г. Вятки. Празднества: 22-го, въ Воскресенье—недѣлю всѣхъ Святыхъ, вятскаго уѣзда въ селахъ Бобинскомъ и Загарскомъ; 23-го, въ понедѣльникъ, орловскаго уѣзда въ селахъ Монастырскомъ и Гороховскомъ, и встрѣча св. иконъ въ селѣ Великорѣцкомъ; 24 и 25-го во вторникъ и среду въ селѣ Великорѣцкомъ; 26-го, въ четвергъ, вятскаго уѣзда въ селѣ Мѣдянскомъ, и встрѣча св. иконъ при Филейской часовнѣ; 27-го, въ пятницу въ селѣ Филейскомъ, и встрѣча св. иконъ на вятскомъ Богословскомъ кладбищѣ; и 28-го, въ субботу, встрѣча св. иконъ въ г. Вяткѣ.

При совершеніи крестнаго хода изъ того же со-

бора въ село Куринское: июня 1-го отправленіе св. иконъ изъ г. вятки. Празднества: 2-го вятскаго уѣзда въ селѣ Бахтинскомъ; 3-го орловскаго уѣзда въ селѣ Быстрицкомъ; въ г. орловѣ: 4-го въ Казанскомъ соборѣ, и 5-го въ Спасскомъ монастырѣ; 6-го орловскаго уѣзда въ селѣ Русановскомъ; 7-го въ с. Тохтинскомъ; 8 и 9-го котельничскаго уѣзда въ селѣ Куринскомъ; 10-го въ селѣ Макарьевскомъ; 11-го въ селѣ Спасскомъ; 12-го въ с. Окаѣевскомъ; 13-го въ с. Кобрскомъ; 14-го въ с. Даровскомъ; 15-го въ с. Гороповскомъ; 16-го въ с. Срѣтенскомъ; 17-го въ селѣ Круглыжскомъ; 18-го въ селахъ Новотроицкомъ и Богородскомъ; 19-го въ с. Высокогорскомъ; 20-го въ с. Юмскомъ; 21-го въ селахъ Адвежскомъ и Александровскомъ; 22-го въ с. Екатерининскомъ; 23-го въ селахъ Молотниковскомъ и Гостевскомъ; 24-го въ с. Красногорскомъ; 25-го орловскаго уѣзда въ с. Истобенскомъ; 26-го въ с. Пищальскомъ; 27-го въ с. Касинскомъ; 28-го въ с. Илганскомъ; 29-го въ с. Верхошижемскомъ; 30-го въ с. Зашижемскомъ; июля 1-го въ селѣ Суводскомъ; 2-го въ с. Ишетскомъ; 3-го въ селахъ Татауровскомъ и Ивкино-Воскресенскомъ; 4-го въ с. Ивкино-Троицкомъ; 5-го вятскаго уѣзда въ с. Ивкино-Богородскомъ; 6-го орловскаго уѣзда въ с. Адышевскомъ; 7-го вятскаго уѣзда въ с. Пасѣговскомъ, и встрѣча св. иконъ на вятскомъ Ахтырскомъ кладбищѣ; и 8-го встрѣча св. иконъ въ г. Вяткѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Распоряженія и постановленія Правительства.
I) Два предложенія Его Преосвященства II) О крестныхъ ходахъ.

Дозволено цензурою. 5 апрѣля 1866 года.

Вятка: Въ типографіи К. Блинова.

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 9.

1866 г.

МАЯ 1-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ПОУЧЕНІЯ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЕЦЪ, НА КАЖДЫЙ
ДЕНЬ ГОДА.

(Продолженіе).

Мѣсяца ноября на 22-й день.

*Объ опасности подвизающихся въ добродѣтели,
пасть отъ самообольщенія. Преп. о. нашего Макарія
египетскаго сл. 1. О храненіи сердца глав. 9.*

Если не будутъ украшать насъ смиренномудріе,
простота и благодать; то никакой не принесетъ намъ
пользы молитвенная наружность. Говоримъ это не
только о молитвѣ, но и всякомъ подвигѣ, или тру-
дѣ, или дѣвствѣ, или молитвѣ, или о какомъ бы то
ни было подвигѣ и дѣланіи, совершаемомъ ради
добродѣтели. Если не находимъ въ себѣ обильныхъ
плодовъ любви, мира, радости, кротости, смиренія,

простоты, искренности, вѣры и долготерпѣнія: то тщетны и напрасны были все наши подвиги; потому что всякое таковое дѣланіе и все сіи подвиги должны совершаться ради плодовъ. Если же не оказывается въ насъ плодовъ любви и мира; то вотще и напрасно совершается сіе дѣланіе. Дѣлающіе безъ плодовъ въ день суда окажутся подобными пяти юродивымъ дѣвамъ, которыя, поелику въ сосудахъ сердца не принесли отсюда духовнаго елѣя, то есть, исчисленныхъ выше добродѣтелей, то за сіе самое названы юродивыми, и не допущены въ духовный чертогъ царствія. За недостаткомъ добродѣтелей, за то, что не имѣли въ себѣ явственнаго обитанія Духа, и самый подвигъ дѣвства вмѣненъ ни во что. Какъ и при воздѣлываніи виноградника все попеченіе прилагается для того, чтобы насладиться плодами; а какъ—скоро неоказывается плодовъ въ виноградникѣ, весь трудъ воздѣлыванія становится тщетнымъ и напраснымъ: такъ, если, при дѣйственности Духа, духовнымъ чувствомъ со всею несомнѣнностію не познаемъ въ себѣ плодовъ любви, мира, радости, смиренія и прочихъ, изчисленныхъ Апостоломъ, добродѣтелей (Галат. 5, 22.), то напрасенъ подвигъ дѣвства, и трудъ молитвы, псалмопѣнія, поста, бдѣнія оказывается ни къ чему не служащимъ; потому что душевные и тѣлесные сіи труды должны быть совершаемы въ надеждѣ духовныхъ плодовъ. Плодоношеніе же Духа въ добродѣтеляхъ есть духовное наслажденіе ими съ неразрѣшимымъ удовольствіемъ для сердець вѣрныхъ,

въ которыхъ дѣйствуетъ Духъ. Съ великою разборчивостію разумѣнія да оцѣниваются дѣланіе, трудъ и всѣ естественные подвиги, чрезъ вѣру и упованіе производимые въ достойныхъ Духомъ Святымъ. Прекрасное дѣло—постъ, бдѣніе, странническая жизнь; даже это—цвѣтъ добраго житія. Впрочемъ, есть болѣе внутренній чинъ христіанъ, и никто не долженъ возлагать упованія на сіи одни дѣла. Случается же, что нѣкоторые бывають причастниками благодати, и живущій еще въ нихъ порокъ хитритъ, добровольно уступаетъ мѣсто и не дѣйствуетъ, но заставляетъ человѣка думать, что умъ его сталъ чистъ, и вводитъ уже его въ самомнѣніе, и говоритъ онъ: «совершенный я христіанинъ». А потомъ, когда человѣкъ подумаетъ о себѣ: «я уже свободенъ» и предастся нерадѣнію; тогда кроющійся порокъ наступаетъ на человѣка разбойнически, искушаетъ его и низводитъ до преисподнихъ земли.

ОТНОШЕНІЕ ВЕТХАГО ЗАВѢТА КЪ НОВОМУ.

изъ нагорной проповѣди.

Матѳ. V. ст. 29. 48. (*)

(Продолженіе).

Ст. 29. 30. *Аще же око твое десное соблазняетъ тя, изми е, и верзи отъ себе: уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную. 30. И аще десная твоя рука соблазняетъ тя, усьцы ю, и верзи отъ себе: уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну.*

(*) См. Епар. Вѣд. 1866 г. № 5. 6, 7 и 8.

Спаситель предлагаетъ средство противъ нечистыхъ пожеланій, подобно какъ выше къ заповѣди о гнѣвѣ (25—26 ст.) присоветовалъ правило о примиреніи. Тоже наставленіе, только нѣсколько полнѣе, Онъ повторяетъ при другомъ случаѣ Матѣ. 18, 8. 9; Мар. 9, 45—47. Какъ Господь, говоря о гнѣвѣ, заповѣдуетъ для примиренія съ братомъ оставлять самое важное дѣло, каково жертвоприношеніе: такъ для подавленія нечистой похоти предписываетъ удалять предметы, близкіе къ намъ. Въ связи съ предыдущимъ Христосъ упоминаетъ о глазѣ, какъ органѣ нечистаго взгляда, и рукѣ, какъ органѣ любострастнаго прикосновенія. Глазь у всѣхъ народовъ служитъ образомъ драгоценныхъ предметовъ. Римляне говорили: глазъ всего дороже; люблю его, какъ очи. На то же указываютъ слова апостола Павла Гал. 4, 15. И не просто о глазѣ говоритъ Исусъ Христосъ, но о правомъ глазѣ: *десное око*. Хотя оба ока служатъ для зрѣнія, говоритъ блаж. Августинъ, однакожь человекъ опасается болѣе потерять правое. Такимъ образомъ самага дорогаго глаза и правой руки, которую не можетъ замѣнить лѣвая, должно лишиться, чтобы все тѣло не подверглось вѣчнымъ мученіямъ.

Но ужели каждый разъ должно отсѣкать тѣлесный органъ, какъ скоро онъ содѣлается орудіемъ похотей? Если бы при каждомъ пробужденіи нечистыхъ пожеланій необходимо было истреблять органы, служащіе орудіемъ ихъ; то всѣ люди должны были бы обречь себя на самоубійство и цер-

ковъ Христова сдѣлалась бы обществомъ увѣчныхъ. Посему даже тѣ толковники, которые принимаютъ изреченіе Спасителя въ буквальный смыслъ, дѣлаютъ ограниченіе. Они думаютъ, что заповѣдь Спасителя должна быть выполняема только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Но если бы Спаситель требовалъ буквальнаго исполненія ея и въ крайнихъ случаяхъ: то и тогда она представляла бы много недоумѣній. Ап. Павелъ заповѣдуетъ хранить тѣло и пещись объ немъ. Ефес. 5, 29. Самъ Спаситель производитъ блудъ и прелободѣніе не отъ тѣлесныхъ членовъ, но отъ сердца. Матѳ. 15, 19. Св. писаніе ясно заповѣдуетъ духомъ побѣждать искушенія плоти; оно называетъ грѣховными членами плоти не уды тѣлеснаго организма, но блудъ, похоть, нечистоту. Рим. 8, 4. 13; 6, 12. 13; Кол. 3, 5. Если бы должно было буквально разумѣть слова Спасителя; то надобно было бы оправдать Оригена, который сдѣлался сконцемъ, не правильно понявъ другое изреченіе Господа (Мат. 19, 12.), надобно было бы исторгнуть языкъ, когда мы произносимъ худыя слова, уничтожить слухъ и т. д. Но, что еще хуже, при всѣхъ такихъ искаженіяхъ цѣль ни мало не достигалась бы; похоть продолжала бы жить въ сердцѣ, хотя бы всѣ орудія къ удовлетворенію ея были истреблены. Иларій и Златоустъ въ самыхъ словахъ Спасителя находятъ признакъ того, что должно понимать ихъ не въ собственномъ смыслѣ. Если бы Спаситель заповѣдалъ намъ лишать себя зрѣнія: то сказалъ бы

объ исторженіи обоихъ глазъ, а не одного праваго: одинъ не можетъ соблазнять безъ участія другаго и исторженіе одного не приведетъ къ цѣли, доколь останется другой.

По симъ причинамъ лучшіе толковники разумѣютъ изреченіе Господа въ переносномъ смыслѣ и думаютъ, что члены тѣла служатъ образомъ драгоценныхъ предметовъ, которые такъ же близки къ сердцу человѣка, какъ око или рука къ тѣлу. Чтобы не лишиться высшаго блага и не подвергнуть опасности душу и вѣчное блаженство: то откажись отъ самыхъ пріятныхъ наслажденій и связей. При семъ они указываютъ на тѣ мѣста, какъ на параллельныя, гдѣ Господь говоритъ, что нѣкоторые воздерживаются отъ брака для царства небеснаго, что для человѣка нѣтъ пользы въ томъ, если онъ весь міръ приобрящетъ, душу же свою отшетитъ Мат. 12, 16—19; 16, 26. Св. Златоустъ, объясняя сіе мѣсто, замѣчаетъ: «Спаситель говоритъ оныя слова не о членахъ. Онъ нигдѣ не осуждаетъ плоть, но вездѣ обвиняетъ развращенную волю. Не глазъ твой смотритъ, но чрезъ него стотритъ умъ и сердце... Еслибы Христосъ говорилъ о членахъ, то не объ одномъ бы глазѣ сказалъ, и притомъ не о правомъ только, но объ обоихъ... Рѣчь идетъ не о членахъ, но о людяхъ имѣющихъ тѣсную съ нами связь. Если ты кого либо столько любишь, что на него полагаешься какъ на правой своей глазъ, и столько признаешь его полезнымъ для себя, что считаешь его вмѣсто правой руки своей, и если онъ развра-

щаетъ твою душу; то ты и такого человѣка отсѣки отъ себя» (Св. I. Злат. на ев. Матѣ б. 18., стат. 5.). Аванасій, Кирилль, Иларій и Теофилакть относятъ слова Господа къ ближайшимъ родственникамъ, которые влекутъ насъ ко грѣху. Августинъ разумѣеть сперва вообще препятствіе къ истинному блаженству, потомъ возлюбленныхъ совѣтниковъ.

Объясненіе святаго Златоуста совершенно сообразно съ древнимъ употребленіемъ объясняемыхъ словъ и подтверждается другимъ мѣстомъ, гдѣ повторяется то же изреченіе и гдѣ Спаситель ясно говоритъ о соблазнителяхъ (Мат. 18, 7—9).

(Продолженіе будетъ).

СЛОВО ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Не сія ли подобаше пострадати Христу?

Лук. 24, 26.

Не разъ Божественный Страдалецъ предрекалъ своимъ послѣдователямъ, что *подобаетъ Ему много пострадати отъ старецъ и архіерей и книжникъ, и убіену быти* (Мат. 16, 21. Сн. Мар. 8, 31. Лук. 9, 22.). Не разъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ о томъ же напоминалъ и по возстаніи своемъ изъ гроба (Лук. 24, 26. 46.). Онъ указывалъ ученикамъ своимъ на самый главный, на самый существенный предметъ христіанскаго ученія. Онъ внушалъ намъ всѣмъ, что крестныя страданія Его необходимы для того, чтобы доставить намъ вѣчное спасеніе, избавить насъ отъ вѣчной погибели.

Да! Несчастнѣйшимъ существомъ былъ бы безъ изъятія всякій человекъ, еслибы Господь нашъ Иисусъ Христосъ Себя не предалъ на страданія за насъ. Родился человекъ и рождается не съ такою непорочною и чистою душою, какую получили отъ Бога первозданный прародитель нашъ. Рождается онъ съ зародышемъ нравственнаго зла, съ тлетворнымъ сѣменемъ грѣха, отрасли котораго онъ впоследствии долженъ отсѣкать, но корень котораго онъ не въ состояніи истребить въ себѣ ничѣмъ, — ни самыми усиленными стараніями воспитателей, ни самымъ благотворнымъ вліяніемъ на него добрыхъ примѣровъ, ни собственною заботливостію о чистотѣ и безукоризненности своего сердца. Нѣтъ и небыло человека всецѣло по душѣ чистаго и ни въ чемъ не повиннаго предъ чистѣйшими и всевидящими очами Божіими. Послѣ этого человекъ, самъ по себѣ, можетъ ли быть пріятель совершеннѣйшей святости Божіей, и терпимъ карающимъ грѣхъ правосудіемъ Божіимъ? И можетъ ли онъ когда либо самъ измѣнить свою природу и отклонить отъ себя ожидающую его участь грѣшника? Въ удаленіи отъ Бога, вѣчныя мученія были неизбѣжны для каждаго человека. И вотъ, Божественная премудрость предоставила и указала средство согласить требованія страшнаго для грѣшниковъ безпредѣльнаго правосудія и успокоительнаго для нихъ безконечнаго милосердія своего: Сынъ Божій содѣлался Сыномъ человѣческимъ, и наказанія заслуженныя человекомъ принялъ на Себя, а чело-

вѣку, если онъ всецѣло по вѣрѣ и преданности соединяется съ Нимъ, доставилъ вѣчное блаженство. Такимъ образомъ *ПОДОБАШЕ пострадати Христу*, Спасителю нашему.

И страдалъ Спаситель нашъ, во всю земную жизнь свою. Отъ Вилолема и до Голгофы Его жизнь текла путемъ лишеній, скорбей, страданій. Неудобства Вилолемскаго вертепа, опасность отъ злобнаго Ирода Онъ долженъ былъ перенести еще въ младенствѣ. Послѣ того, чѣмъ болѣе Онъ *преуспѣвалъ премудростію и возрастомъ* (Лук. 2, 52), тѣмъ сильнѣе чувствовалъ скорби при видѣ зла, въ которомъ *міръ весь лежитъ* (1 Іоан. 5, 19.). Съ наступленіемъ же открытаго служенія Іисуса Христа нашему спасенію и скорби и страданія Его становятся открытѣе. Вотъ Господь въ пустынѣ подвергаетъ Себя искушенію отъ діавола. Вотъ Господь терпитъ отъ злостнаго невѣрія, отъ изобрѣтательнаго коварства, отъ глубокой ненависти противъ Него. Потому любвеобильное сердце Его поражается предательствомъ одного изъ ближайшихъ учениковъ Его. Потому слѣдуютъ истязанія надъ Божественнымъ Страдалцемъ на судѣ первосвященниковъ, Пилата, Ирода. И чтоже? все это было только началомъ ужаснѣйшаго страданія Его за насъ. Надъ Нимъ злобно издѣваются, на Него надѣваютъ колочій вѣнецъ, Его подвергаютъ біенію, Его опредѣляютъ на распятіе, заставляють нести тяжелый крестъ на горѹ. Но даже пригвожденіе Его ко кресту далеко еще не восполняло предопредѣленную

мѣру страданій Господа нашего Иисуса Христа. Уже болѣе трехъ часовъ, съ полнымъ сознаниемъ, Онъ переносилъ мученія крестныя. Язвы отъ гвоздей на пречистыхъ рукахъ и ногахъ расторгались отъ тяжести висящаго на крестѣ пресвятаго тѣла Его. Его мученія были невообразимо—страшны. Въ то же время Онъ преогорчевался злобными насмѣшками, распространявшимися около креста Его.

Не здѣсь ли крайній предѣлъ лютыхъ страданій Господа? Не здѣсь. Кромѣ всѣхъ этихъ страданій, Его тяготило поднятое Имъ бремя всевозможныхъ преступленій, нестерпимыхъ гнусностей, неправдъ, богоотступленій и злодѣйствъ всѣхъ грѣшниковъ отъ начала міра до скончанія его.

Для совершенно-полной мѣры невообразимыхъ для насъ мученій, для того, чтобы Спасителю нашему испить до послѣдней капли изъ уготованной Ему чаши страданій, Божество Его, не отдѣляясь отъ его человѣчества существомъ своимъ, оставляетъ его на извѣстное время (дерзнемъ сказать такъ) своею благодатию. Тогда Онъ, пригвожденный ко кресту, отягощенный всѣми безъ изъятія грѣхами каждаго человѣка всѣхъ временъ и народовъ, испытывая заслуженное нами отверженіе со стороны Бога, возглашаетъ: *Боже Мой! Боже Мой! Почему я оставилъ еси* (Мар. 15. 34.)? Вотъ гдѣ крайняя степень Его страданій! Они были такъ велики, что если бы мы вообразили себѣ вѣчныя мученія самаго лютаго грѣшника во адѣ, то его мученія были бы ничтожны въ сравненіи съ страданіями

ми Спасителя, воззопившаго на крестъ: *Боже Мой, Боже Мой! Почто мя оставилъ еси?* Ибо каждый грѣшникъ во адѣ будетъ мучиться только за себя: Спаситель нашъ перенесъ наказанія за грѣхи всего міра, прошедшаго, настоящаго и будущаго. Для каждого грѣшника никакая оказавшаяся въ немъ доля добра не забудется наказующимъ его правосудіемъ: въ лицѣ Спасителя, страдающаго на крестѣ, безпредѣльныя заслуги святѣйшаго челоуѣчества Его усвоены, подѣ условіемъ нашего всецѣлаго соединенія съ Нимъ, усвоены намъ грѣшнымъ, а наказаніе за необъятное множество всемірныхъ грѣховъ возложено на Него, какъ бы не имѣющаго ничего, кромѣ однихъ грѣховъ. Но сія подобаше пострадати *Христу*, по безконечной строгости Господней ко грѣхамъ, и по безконечному милосердію Его къ грѣшникамъ.

И, кромѣ Господа нашего Иисуса Христа, никто другой не могъ пострадать для спасенія насъ грѣшныхъ.

Не могъ никто изъ людей принять наказаніе за другихъ и искупить ихъ своими страданіями. Его страданія не были бы спасительны не только другимъ; но и ему самому: по Божественному правосудію, онъ страдалъ бы только за свои грѣхи и даже себя самаго не освободилъ бы отъ необходимыхъ слѣдствій грѣховъ,—отъ тяжести проклятія за нихъ и тѣнныя смерти отъ нихъ (Рим. 5, 12.). Для спасенія другихъ надлежало Безгрѣшному пострадать, чтобы всемогущимъ дѣйствіемъ совершен-

нѣйшей святости уничтожить силу грѣха; надлежало Имѣющему въ Себѣ Самомъ источникъ благоговенія принять на Себя проклятіе, чтобы такимъ образомъ истребить проклятіе; надлежало Безсмертному умереть, чтобы смертію побѣдить смерть, — воскресеніемъ изъ гроба даровать жизнь. Все это возможно было одному только *Богу, явившемуся во плоти* (1 Тим. 3, 16.).

Не искупилъ бы человекъ своими страданіями и Ангель безсмертный, если бы могъ принять на себя природу человѣческую. Надлежало искупленіе предоставить всѣмъ людямъ, отъ Адама и до окончанія міра, во всѣхъ предѣлахъ вселенной, во всѣхъ племенахъ ея, въ вѣкахъ прошедшихъ, во времени настоящемъ и будущемъ. Искупитель долженъ былъ имѣть полное дѣйствіе на всю вселенную, на всѣ вѣка, даже будущіе. *Подобаше*, для спасенія всего рода человѣческаго, *пострадати* Самому христу вездѣсущему и присносущему, Сыну Божію, *Имже и вѣки сотвори Господь Богъ* (Евр. 1, 2.).

Если же надлежало, для спасенія нашего, пострадать и умереть Христу, то зачѣмъ, Христе Спасе, Ты предаешь Себя на смерть крестную? Или и сему надлежало быть для спасенія нашего? *Такъ писано есть, и тако подобаше пострадати Христу* (Лук. 24, 46.), изрекъ Онъ Самъ, *показавъ* Апостоламъ прободенныя *руцѣ и нозѣ Свои* (Лук. 24, 40.). *Не сѣ ли подобаше пострадати Христу*, отвѣчалъ Онъ Эммаусскимъ путникамъ, *возвѣстившимъ Ему, како предаша Его архіереи*

и князи на осужденіе смерти и распяша Его (Лук. 24, 26, 20.). Помяните, якоже глагола вамъ, еще сый въ Галилеи, глаголя: яко подобаетъ Сыну чловѣческому предану быши въ руцѣ чловѣкъ грѣшникъ и пропяту быти (Лук. 24, 6, 7.), напоминали Ангелы, при гробѣ Господа, смертію смерть поправшаго. Смерть, крестную смерть, надлежало принять Богочловѣку: этого требовало свойство какъ наказанія принятаго за насъ, такъ и спасенія дарованнаго намъ.

На деревѣ крестномъ должно было совершиться наказаніе за грѣхи всего міра: ибо нѣтъ въ мірѣ мученій люте мученій крестныхъ.

На деревѣ крестномъ должно было совершиться то наказаніе, которое соединено было съ проклятіемъ наказуемаго. Для совершенія его не могло быть болѣе соотвѣтствующаго орудія, какъ крестъ, почитавшійся орудіемъ казни самой позорной, самой постыдной. Проклятъ есть отъ Бога всякъ висий на деревѣ, изрекъ законодатель Еврейскаго народа Моисей (Второз. 21, 23.). Созерцалъ Господа нашего распятымъ на деревѣ крестномъ Исаія въ пророческомъ духѣ своемъ, и воззвалъ о Немъ: видѣ Его безчестенъ..., отвратися лице Его, безчестно бысть... Той же язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша (Ис. 53, 3, 5.). Вотъ почему грѣхи наша Самъ вознесе на тѣль своемъ на древо (1 Пет. 2, 24.) Христосъ, искупившій насъ отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва: писано бо

есть: проклятъ всякъ висяй на деревѣ (Гал. 3, 13).

На этомъ деревѣ крестномъ (надлежало пострадать и умереть Принявшему на Себя наказаніе за тѣ преступленія, которыя въ началѣ своемъ обнаружались вкушеніемъ отъ запрещеннаго дерева.

На деревѣ крестномъ—съ распростертыми руками надлежало пострадать и умереть Тому, Кто своею смертію имѣлъ примирить всѣхъ съ правосудіемъ Божиимъ. Самъ Онъ предрекъ о Себѣ: *аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ. Сіе же глаголаше, назнаменуя, кою смертію хотяше умерети (Іоан. 12, 32).*

На деревѣ крестномъ, съ распростертыми и источившими потоки крови дланями, но съ тѣломъ не разсѣченнымъ, не раздѣленнымъ, надлежало пострадать и умереть за насъ Тому, Кто благоизволилъ не только привлечь насъ и приблизить къ Себѣ, но и дать намъ въ питіе пречистую кровь свою и въ снѣдь пречистое тѣло свое, во всецѣломъ его составѣ. Распятый Господь нашъ Іисусъ Христосъ изливалъ струи крови изъ язвъ своихъ, но и въ самой смерти сохранилъ нераздѣленнымъ и даже нераздробленнымъ (Іоан. 19, 32. 33.) пречистое тѣло свое, чтобы всецѣло соединиться съ нами въ святѣйшемъ таинствѣ Причащенія. А потому Онъ и не благоволилъ умереть подобно Предтечѣ своему Іоанну, подобно ветхозавѣтному евангелисту своему Ісаіѣ, или другую какую либо принять кончину.

На деревѣ крестномъ, предъ многими тысячами

свидѣтелей разныхъ племенъ и народовъ, принадлежало пострадать и умереть Тому, чьи страданія и смерть должны были торжественно засвидѣтельствоваться всею вселенною, такъ какъ и подъяты были для спасенія всей вселенной.

Образъ такихъ страданій и смерти Господа и предлагаетъ намъ нынѣ святая Церковь. Чего же при семъ она ожидаетъ отъ насъ? Ожидаетъ, не уцѣлουμε ли и не просвѣтлѣетъ ли нашъ умъ въ благоговѣйномъ размышленіи о томъ, какая страшная участь ожидаетъ человѣка оставленнаго самому себѣ съ своими грѣхами, какая дивная премудрость, какое неизмѣнное правосудіе, какое милосердное человѣколюбіе показано въ страданіяхъ за насъ Христа Спасителя. И что, если мы сами не воспользуемся ими, чтобы избавиться отъ вѣчныхъ мученій и удостоиться вѣчнаго блаженства? Ожидаетъ отъ насъ святая церковь, не возбудится ли въ нашемъ сердцѣ сокрушеніе о томъ, что мы своими грѣхами подвергли Господа этимъ страданіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, не почувствуемъ ли въ себѣ облегченія и успокоенія, сравнивая свои скорби съ неизчислимыми и безпредѣльными скорбями Божественнаго Страдальца; съ другой стороны, не усвоимъ ли себѣ ту священную, знакомую истиннымъ христіанамъ, радость, что Христосъ далъ намъ всѣ способы не только избавиться отъ угрожавшихъ намъ вѣчныхъ мученій, но и слѣдаться спаслѣдниками Ему въ царствіи небесномъ. Ожидаетъ отъ насъ святая церковь, не обратится ли

наша воля и дѣятельность отъ служенія плоти, міру и діаволу къ искреннему попеченію о спасеніи души, къ возможному для насъ подражанію Святымъ Божіимъ, къ полному, готовому на всѣ жертвованія, соединенію со Христомъ, чрезъ исполненіе заповѣдей Его, указанныхъ въ семъ святомъ Евангеліи Его.

О, если бы мысль о томъ, что эти язвы Господа приняты Имъ за наши грѣхи, удерживала насъ отъ грѣховъ! Вотъ, колючимъ вѣнцемъ изъязвлена глава Божественнаго Страдальца: это за наши богопротивныя мысли, за наше кощунство, злорѣчіе, ложь, празднословіе. Вотъ, глава Его подвержена была заушеніямъ,—за то, что мы любимъ склонять слухъ свой къ рѣчамъ непотребнымъ, къ принятію клеветы на ближнихъ нашихъ. Вотъ, заплеваніемъ омрачены были святѣйшія очи Христовы: это за нашъ взоръ то лобострастный, то исполненный ненависти, зависти, надменности. Вотъ, уста Христовы напоены были оцтомъ и желчію: за что? за наше невоздержаніе и сластолюбіе. Руки Спасителя нашего пронзены и въ язвахъ расторжены желѣзомъ,—за наше мздоимство, всякаго рода хищенія и другія прегрѣшенія. Ноги Его въ тѣхъ же язвахъ,—за то, что мы скоры и подвижны, когда убѣгаемъ отъ своихъ обязанностей и спѣшимъ къ опаснымъ для насъ удовольствіямъ, но медленны и лѣнны къ Богослуженію и стоянію на молитвѣ. Самое сердце Господа нашего Иисуса Христа прободено: недлежало и это

совершитъ надъ тѣмъ, Кто принялъ на себя наказаніе за всѣ грѣхи наши: ибо что въ нашемъ сердцѣ? раздражительность, памятозловіе, недоброжелательство, лукавство, малодушіе и иныя различныя страсти. Все пречистое тѣло Спасителя подвергалось бичеванію и поруганію: и не покрываемъ ли мы все свое тѣло язвами грѣховъ?

Такого сокрушенія о грѣхахъ, такого исправленія нашего ожидаетъ отъ насъ святая церковь, предлагая намъ образъ Божественнаго Страдальца уготовляемаго къ погребенію.

Остановимъ же на семъ изображеніи не внѣшній только взоръ очей нашихъ, но взоръ ума нашего, благоговѣнно размышляющаго о страданіяхъ Христовыхъ. Склонимся не раменами только и главами къ изображенію сему, а всею крѣпостію воли нашей, идущей во слѣдъ Изображаемаго. И не устами только станемъ прикасаться къ язвамъ симъ: къ Изъявленному за насъ приникнемъ всѣмъ сердцемъ, всею душою своею. Аминь.

Протоіерей Ст. Кашичскій.

О ЗНАЧЕНІИ

ТРУДОВЪ СЛАВЯНСКИХЪ АПОСТОЛОВЪ КИРИЛЛА И МЕТОДІЯ ВЪ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ РУССКОЙ.

Пора дѣтства миновала для славянскихъ племенъ: провидѣніе сохранило слабого ребенка. Вступивши въ возрастъ юности, онъ обнаружилъ большой запасъ свѣжихъ, непочатыхъ силъ, жажду новой жизни, но вступилъ въ возрастъ всегда бо-

дѣ или менѣе опасный. Опасенъ онъ былъ и въ IX вѣкѣ. Славянь встрѣтили на поприщѣ исторической жизни, въ которую вступили они, три главныхъ дѣятеля. Свѣтская власть запада, вступившая было въ такой тѣсный союзъ съ папствомъ при Карлѣ Великомъ, къ этому времени довольно разошлась съ нимъ. Между прежними союзниками поселилось недоверіе, — дружной дѣятельности въ одномъ направленіи какъ не бывало. Не могло быть, конечно, подобной дѣятельности съ ихъ стороны и по отношенію къ славянамъ. Между тѣмъ дѣйствовала и третья сторона, расходившаяся въ интересахъ съ обѣими предъидущими, — дѣйствовала и Византія. Всѣ три стороны способствовали пробужденію жизни славянскихъ племень, но не всѣ встрѣтили въ нихъ одинаковое сочувствіе, потому что не всѣ имѣли искреннее намѣреніе удовлетворить потребностямъ пробуждающагося народа. У славянь многое, въ чемъ нуждались они, было дома: былъ родъ и племя, родовыя и племенные чувства и стремленія. Извнѣ имъ необходима была только сила, которая освятила бы родъ и родовое стремленіе къ самостоятельности, скрѣпила бы коренныя стихіи народной жизни и боролась бы противъ дальнѣйшаго разложенія этихъ стихій: такой силы искали они въ христіанской религіи. Но Западъ, давая религію, боролся противъ народности. Только Византія руководствовалась началами, которыя были по сердцу славянскимъ племенамъ. Въ это-то время съ востока — изъ Византіи вышли два чело-

вѣка съ неутомимою, апостольскою, дѣятельностію. Это солунскіе братья Кирилль и Меѳодій. Значеніе ихъ для Славянскаго міра—огромно. Почти все славянскія земли видѣли у себя этихъ апостоловъ своихъ, не говоря уже о томъ, что ихъ труды въ свое время проникли во все углы славянскаго міра, а въ нѣкоторыхъ преимущественно держатся и доселѣ, что ихъ вліяніе отразилось дѣлымъ рядомъ событій для каждаго изъ славянскихъ народовъ,—событій, дававшихъ направленіе не только религіозной, но и политической жизни народовъ. Но больше всехъ другихъ воспользовались ихъ трудами русскіе славяне; пользуется наше отечество, пользуемся мы. Пусть труды Кирилла и Меѳодія назначались для насъ непосредственно менѣе, чѣмъ для всехъ другихъ славянъ, пусть св. братья упредили наше пробужденіе къ исторической жизни и упредили, можно сказать, не на нашей почвѣ; не смотря на это, значеніе ихъ трудовъ въ исторіи русской церкви такъ велико, что наша благодарная память о нихъ, наша признательность къ нимъ, какъ бы велики онѣ ни были, не будутъ достаточною наградою за ихъ апостольскіе труды. За эти труды можетъ наградить только Богъ. Не прибавить, можетъ быть, къ ихъ прославленію и то, если тотъ или другой благодарный потомокъ, возьметъ на себя трудъ разъяснить ихъ несомнѣнно благодѣтельное значеніе для церкви русской. Но этотъ трудъ, даже всякая попытка въ этомъ родѣ, могутъ быть полезны для того, чѣмъ будутъ слѣ-

ланы. Доказывать это нужно или много или же вовсе не доказывать. Приступимъ же къ дѣлу.

Св. Кирилль и Меѳодій имѣютъ значеніе въ исторіи церкви русской I.) вообще, какъ просвѣтители другихъ, славянскихъ земель, что имѣетъ большое значеніе и для нашей церкви; II.) какъ апологеты правоты своего дѣла предъ западомъ; III.) какъ дѣятели строго, съ любовію и ревностію, державшіеся прекрасныхъ началъ, лежавшихъ въ основѣ ихъ дѣятельности и вынесенныхъ ими изъ той церкви, къ которой они сами принадлежали—началъ, выразившихся съ одной стороны въ славянской азбукѣ и письменности, съ другой—въ славянскомъ богослуженіи, и наконецъ IV.) какъ просвѣтители хозаръ—слѣдовательно какъ просвѣтители, заключаемъ мы, нашихъ предковъ—русскихъ славянъ.

I.

Чтобы видѣть, какъ много сдѣлали Кирилль и Меѳодій для различныхъ славянскихъ племенъ, нужно сдѣлать, хотя бѣглый, взглядъ на то состояніе, въ какомъ застала ихъ дѣятельность св. братьевъ;—одного намека уже сдѣланнаго нами, недостаточно. Пора дѣтства, сказали мы, миновала для славянскихъ народовъ; это значитъ, что миновала для нихъ и пора язычества, которое должно было наконецъ уступить свое мѣсто христіанству. Обратиться за ученіемъ новой вѣры было къ кому. И Востокъ, и Западъ сами предлагали помо

и Меодія было сдѣлано, по видимому, уже много. Но это только «по видимому». Съ принятіемъ христіанской вѣры должно быть внесено и просвѣщеніе христіанское. А этого то и не давали славянамъ западные ревнители распространенія христіанства. Окрестить нѣсколько человѣкъ, обложить ихъ поборами въ пользу папскаго престола, провести изъ-за этихъ нѣсколькихъ человѣкъ границу воображаемаго новаго епископства—вотъ все, чѣмъ очень часто ограничивались западные проповѣдники. Крещенные, разумѣется, мало-по-малу вымирали, не оставивъ по себѣ истинно христіанскаго поколѣнія. Соперничество папъ съ нѣмецкими императорами, стремленіе тѣхъ и другихъ къ расширенію предѣловъ своей власти, политическіе виды славянскихъ князей—все это не надежные двигатели христіанскаго дѣла. Когда не имѣлось въ виду удовлетворить истиннымъ потребностямъ народовъ, само собою разумѣется, не могли быть и удовлетворены эти потребности. Славяне, какъ были, такъ и оставались «затертыми, покрытыми чужой тѣнью» (*). Но потребности все-таки оставались; прошло наконецъ время рѣшительно и громко заявить эти потребности. «Земля наша крещена», писали напр. моравскіе князья императору Михаилу и патриарху Фотію, и нѣтъ у насъ учителя, который бы наказалъ насъ и поучилъ и протолковалъ святыя Божіи книги, ибо мы не разумѣемъ ни греческаго языка, ни латинскаго. Пошли къ намъ учителей,

(*) Боданскій «о времени происхожденія слав. племень».

которые могли бы намъ сказать книжныя словеса и разумъ ихъ. Вотъ что нужно было новообращавшимся народамъ и вотъ что могло укрѣпить у нихъ христіанскую жизнь, организовать ихъ въ христіанскія общества—не по имени только, но и по благорасположенности князей къ христіанству, не изъ желанія выразить покорность внѣшнимъ политическимъ могуществамъ вѣка, а на самомъ дѣлѣ. Этому-то дѣлу помогли солунскіе братья. Еще раньше заявленія моравскихъ князей, они уже были проникнуты вѣрнымъ пониманіемъ нуждъ славянства и уже раньше трудились надъ ними. Избранники Промысла, сначала своей жизни они разошлись было по разнымъ дорогамъ. Меодій отдался важной и почетной государственной службѣ. Но его помощь нужна была Кириллу, и онъ возвращенъ былъ въ свое истинное мѣсто. Что касается Кирилла, то это именно былъ одинъ изъ числа тѣхъ избранныхъ людей, которые внутри себя находятъ свое предопредѣленіе—исполнять великое историческое дѣло и посвящать ему себя исключительно. Воспитанный въ Солунѣ, представлявшемъ всѣ условія для живаго ознакомленія съ славянами, слишкомъ твердый для борьбы съ мірскими соблазнами, человекъ съ жаждою духовнаго подвига, съ самымъ совершеннымъ образованіемъ, какое могла дать тогдашняя Византія, Кириллъ послѣ долголѣтняго нравственнаго искуса и приготовленія къ практической дѣятельности, выступилъ наконецъ для воздѣланія дѣвственной славянской почвы. Оффиціальная по

своему началу его дѣятельность въ совокупности съ братомъ была запечатлѣна самою устойчивою энергіею. Можно представить себѣ, сколько могли принести блага такой дѣятельности при благоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, какая наконецъ была тутъ подготовка для дальнѣйшей дѣятельности Меѳодія, который остался одинъ и все-таки продолжалъ великое дѣло брата. Не станемъ входить въ подробности усилій Кирилла и Меѳодія въ земляхъ славянскихъ. Да притомъ знать эти подробности едва ли и возможно, потому что о трудахъ этихъ свѣтлыхъ личностей солунскихъ братьевъ не сохранилось отчетливой лѣтописи. Для нашей цѣли довольно будетъ и того, если мы скажемъ, что Македонія, Болгарія, Моравія, Паннонія, Хорватія, часть Далмаціи, Чехія¹⁾ и югъ Польши²⁾ по справедливости считаютъ Кирилла и Меѳодія основателями религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ ихъ странахъ. Это просвѣщеніе не ограничивалось однимъ крещеніемъ, однимъ причисленіемъ къ епархіи сосѣдняго епископа; оно выразилось въ новыхъ для языческихъ странъ формахъ жизни: церквахъ, монастыряхъ; оно воспитало поколѣніе, которое могло съ честію замѣнить на духовныхъ должностяхъ первыхъ просвѣтителей; оно дало форму, въ которую стало отливаться потомъ все религіозно-нравственное развитіе народа, безъ чего оно не

1) Мапеевскій «ист. первоб. хр. церкви у славянъ».

2) Журналъ мин. народн. просвѣщ. 1847 г. «начало христіанства въ Польшѣ».

могло бы идти особеннымъ, самостоятельнымъ путемъ т. е., дало славянскую письменность и богослуженіе на славянскомъ языкѣ; оно сдѣлало то, что славянскіе народы, организовавшись около своихъ новыхъ духовныхъ центровъ въ опредѣленные общества съ болѣе яснымъ, чѣмъ даже въ послѣдующіе вѣка, сознаниемъ своего племеннаго и вѣроисповѣднаго отличія отъ другихъ народовъ, съ сознаниемъ своихъ отношеній къ церкви греческой, противопоставили серьезный отпоръ чужеземнымъ вліяніямъ, хотя и должны были наконецъ пасть подъ бременемъ неравной борьбы. Но довольно. Спросимъ теперь себя: имѣютъ ли значеніе люди, произведшіе такіе перевороты въ славянскомъ мірѣ для славянъ русскихъ? могутъ ли они занять въ исторіи нашей русской православной церкви видное мѣсто?

Отвѣтить на этотъ вопросъ послѣ того, что уже сказано нами, не трудно. Достаточно обобщить тѣ частныя понятія, какія мы составили о степени успешности трудовъ Кирилла и Меодія для славянскихъ народовъ, и потомъ изъ этихъ понятій сдѣлать выводы касательно отношенія дѣятельности св. братьевъ къ церкви русской, — выводы, по возможности опирающіеся на историческихъ фактахъ.

Первое понятіе, какое можно приложить къ дѣлу просвѣщенія славянъ Кирилломъ и Меодіемъ это — «о внутренней крѣпости, жизненности этого дѣла». Христіанская религія, преподанная ими

славянамъ, не осталась для этихъ послѣднихъ мертвою оффиціальною, накладною внѣшностію безъ духа и силы. Нѣтъ. Ими брошены въ славянскія земли живыя сѣмена, — святыя начала восточнаго православія, которыя преобразили, но не искоренили народныя начала славянскія. Существованіе и живучесть этихъ началъ не нужно много доказывать: какого-нибудь серьезнаго, рѣшительнаго поворота назадъ къ язычеству не было въ тѣхъ странахъ, гдѣ проповѣдывали солунскіе братья. Даже папство, усцѣвая всеми дозволенными и непозволенными средствами стать въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ господствующею церковію, долго не могло въ этихъ земляхъ уничтожить всѣхъ внѣшнихъ проявленій православія, существованіе котораго долго заявляли здѣсь церкви и монастыри греко-славянскіе, а тѣмъ болѣе не могло уничтожить самаго духа православія. Такъ бросьте здоровое сѣмя въ почву и накройте тѣмъ-нибудь непроницаемымъ ту точку земной поверхности, сквозь которую долженъ пробиться изъ земли стебель растенія: растеніе на затруднителн пріискать себѣ другой выходъ на свѣтъ Божій. Тѣмъ болѣе духовныя сѣмена всегда, какъ и все живое, стремятся туда, гдѣ найдутъ болѣе благопріятныхъ условий для своего развитія. Христіанское просвѣщеніе славянскихъ земель, которымъ обязаны онѣ апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія, не могло остаться безплоднымъ для русской церкви, для русскаго народа. Оно и дѣйствительно не ос-

талось такимъ. Возьмемъ хоть одинъ примѣръ. Кому изъ образованныхъ людей неизвѣстна наша, такъ называемая, болгарская литература, имѣвшая въ свое время, можетъ быть, и очень сильное вліяніе на наше духовное развитіе, и можетъ быть гораздо болѣе плодотворная, чѣмъ какая сохранилась до нашего времени? О вліяніи славянской азбуки и письменности, о вліяніи славянскаго богослуженія, перешедшаго къ намъ отъ нашихъ родичей, будетъ рѣчь впереди. Вообще же, какъ не безразличное дѣло для образованнаго чловека, находится ли онъ въ кругу равныхъ себѣ по образованію людей, или брошенъ въ невѣжественную среду, — такъ вовсе не безразличное дѣло и для народа, окруженъ ли онъ народами единовѣрными, съ известной степенью общественнаго развитія, или представляетъ изъ себя оазисъ, окруженный духовнымъ бесплодіемъ сосѣднихъ странъ.

Второе, нераздѣльное съ первымъ, понятіе, какое выносимъ мы изъ изученія дѣятельности Кирилла и Меодія въ ея результатахъ, это — понятіе о жизненной, отличающейся чисто нравственнымъ характеромъ, борьбѣ славянъ противъ внѣшняго насилія, вообще противъ инородныхъ началъ, борьбѣ необходимой, предпринимавшейся съ затаеннымъ вопросомъ — «жизнь или смерть». Папская и нѣмецкая пропаганда не замедлила возстать противъ юнаго еще славянскаго православія и внѣшнимъ насиліемъ и хитрой нравственной борьбой. Возбуждали между-народную ненависть, ласкали въ

случаѣ нужды честолюбіе князей—все сдѣлано было для достиженія цѣли. Незавидная побѣда дѣйствительно во многихъ славянскихъ земляхъ выпала на долю притѣснителей; во многихъ славянскихъ земляхъ дѣйствительно перестало слышаться славянское богослуженіе, уничтожена славянская письменность, подавлено православіе. Но этимъ ли окончилось все дѣло?! Не говоря уже о томъ, что и въ тѣхъ странахъ, гдѣ православіе подавлено, оно можетъ быть возстанетъ, переживъ тяжелый историческій испускъ; здѣсь прежде всего бросаются въ глаза тѣ слѣдствія, какими сопровождалась славянская борьба съ папствомъ для церкви русской. Славянскія народности, выдержавъ упорную борьбу съ нимъ, этимъ самымъ уничтожили возможность подобной борьбы для русской церкви: онѣ послужили оплотомъ, который оградилъ русскую церковь отъ серьезныхъ вторженій папства. Миновать земли, въ которыхъ греческое православіе было не одною официальною, а народною жизненною силою, могучимъ нравственнымъ двигателемъ, отражавшимся даже на сосѣдяхъ, миновать ихъ—было бы со стороны папства и непослѣдовательно, и противно его ближайшимъ интересамъ. Только обошедши по порядку славянскіе народы, политика западной Европы обратила наконецъ вниманіе и на Русь. Безъ титулярныхъ епископствъ (*in partibus infidelium*), приурочивавшихъ русскія земли къ папскому скипетру, конечно, дѣло не обходилось, не обходилось безъ попытокъ дѣй-

ствовать на Русь уже со временъ Ольги и Владимира. Но какъ жалки, какъ безуспѣшны были эти попытки! Со временъ Гнѣзненскаго трактата, вслѣдствіе котораго Польша была официально признана страной римско-католическою, обстоятельства перемѣняются; возможность дѣйствовать на Русь открывается слишкомъ широкая. Успѣха, какъ извѣстно, большаго не послѣдовало; но то-ли было бы, если бы папство могло съ самаго начала сосредоточить свои силы на борьбѣ съ Русью, не растрчивая ихъ, не разъединяя въ борьбѣ съ остальнымъ славянскимъ міромъ? Иное дѣло бороться съ вѣроисповѣданіемъ еще новымъ, неокрѣпшимъ, и иное дѣло бороться, когда народныя симпатіи и антипатіи успѣли уже опредѣлиться, когда общество видѣло уже много добраго отъ принятой имъ вѣры и успѣло частію сознательно, а частію инстинктивно возненавидѣть ея противниковъ. Такъ въ XII вѣкѣ Ярославъ Изяславичъ частію выгналъ, частію заключилъ въ темницы римско-католическое духовенство, находившееся въ Кіевѣ. Въ 1203 году Романъ объявлялъ, что римско-католическую вѣру онъ совсѣмъ уничтожитъ,—неизвѣстно гдѣ, въ своей ли странѣ, или даже въ сосѣдней Польшѣ. И какъ усердно ни смѣнялись папами монашескіе ордена (бенедиктинцы, цистерсы, доминиканцы), высылаемые на Русь, значительныхъ результатовъ для нихъ не было никакихъ. Ужели подобное положеніе западныхъ дѣлъ на Руси порождено только одной географической отдаленностію? Но отдать ей

слишкомъ большое значеніе послѣ всего сказаннаго, послѣ всего, что совершается во очію насъ, было бы нелѣно. Нѣтъ. Славянскимъ православнымъ землямъ по отношенію къ русской церкви выпала таже доля, какаѣ выпала Византійской имперіи по отношенію къ остальной Европѣ. Византія пала подѣ ударами многочисленныхъ варварскихъ ордъ, одна за другою выходившихъ на Европу съ огнемъ и мечемъ, но она пала послѣ того, какъ нѣсколько вѣковъ была для своихъ западныхъ сосѣдей твердымъ оплотомъ, о которой сокрушалось оружіе враговъ христіанства и европейской цивилизаціи. Таковой же оплотъ русской церкви отъ вторженій запада приготовила Византія въ лицѣ другихъ славянскихъ народовъ. А эти народы сдѣлались православными, хотя и не навсегда, при посредствѣ апостольства Кирилла и Меодія.

II. Итакъ св. братья солунскіе имѣютъ слишкомъ важное значеніе для церкви русской и какъ просвѣтители другихъ славянскихъ народовъ. Но дѣятельность ихъ на этомъ поприщѣ пересѣкаетъ еще одинъ, впрочемъ исторически необходимый, эпизодъ, который даетъ, можно сказать, новый отблескъ ихъ историческому значенію какъ для всего славянскаго міра, такъ въ частности и для церкви русской. Кириллъ и Меодій не только въ лицѣ славянскихъ народовъ, а и сами непосредственно были апологетами правоты своего дѣла предѣ Западомъ. Дѣло было вотъ въ чемъ. Когда искаженный слухъ о

причинахъ великихъ успѣховъ разумно-христіанской дѣятельности св. братьевъ въ Моравіи достигъ папскаго престола, папа вызвалъ обоихъ братьевъ въ Римъ къ отвѣту. Тоже, только по другому нѣскольکو поводу, повторилось послѣ смерти Кирилла съ однимъ Меодіемъ. Оба раза выдвигались на сцену вѣроисповѣдныя отличія Солунскихъ братьевъ отъ Запада, но преимущественно славянская письменность, проповѣдничество на славянскомъ языкѣ, славянское богослуженіе. И оба раза св. братья умѣли съ честію отстоять правоту своихъ убѣжденій и дѣятельности. Если Западъ старался иногда ограничить ихъ, то это дѣлалось уже просто по одному страху предъ ихъ могущественнымъ вліяніемъ на славянъ. Вообще же результатъ ихъ апологій предъ папствомъ былъ таковъ. «Мы», писалъ папа Іоаннъ VIII государю Моравскому, «нашедъ Меодія во всѣхъ церковныхъ ученіяхъ и пользахъ православнымъ исповѣдникомъ, посылаемъ паки ко управленію ввѣренною ему церковію Божіею, повелѣвая принять его какъ истиннаго пастыря съ должною честію и радостнымъ сердцемъ». Было впрочемъ въ этой же грамотѣ повелѣніе читать въ церквахъ Евангеліе не на одномъ славянскомъ, но и на латинскомъ языкѣ—«ради большей важности»,—но въ такомъ повелѣніи нельзя придавать серьезнаго значенія, изъ—за этого повелѣнія нельзя же говорить, что не всѣ цѣли и дѣйствія св. братьевъ были уважены папскимъ престоломъ. Совсѣмъ не то пошло послѣ смерти св. братьевъ,

при ихъ преемникахъ, хотя бы напр. въ Моравіи. Но папство, обладая могуществомъ міра, все-таки не могло остаться побѣдителемъ въ борьбѣ съ нравственнымъ могуществомъ солунскихъ братьевъ, не могло подавить начатаго ими дѣла «въ началѣ», когда это было по видимому гораздо удобнѣе. Нужно ли говорить о томъ, что если дѣло Кирилла и Меѳодія могло сдѣлаться законченнымъ, только благодаря этой нравственной побѣдѣ, то она имѣетъ огромное значеніе для всѣхъ славянъ и въ особенности для русскихъ, которымъ пришлось воспользоваться и первыми и послѣдними результатами трудовъ святыхъ братьевъ? Нужно ли также прибавлять, что обстоятельства этой побѣды вполне выяснили послѣдующимъ вѣкамъ, что, когда дѣло идетъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, тутъ не можетъ быть рѣчи о защитѣ западныхъ началъ, что ереси, подобныя ереси «триязычниковъ» и іапатурской, были слишкомъ далеки отъ православныхъ братьевъ, что это были отцы церкви православной, а не римско-католической (*). Нужно ли прибавлять наконецъ, что, если Кириллу и Меѳодію для блага славянства необходимо вознестись на такую высоту, съ которой ихъ видно было бы во всѣхъ уголкахъ славянскаго міра, то въ дѣлѣ выясненія и достойнаго прославленія ихъ личностей, борьба ихъ съ папствомъ займетъ не послѣднее мѣсто.

(*) См. «Исповѣданіе вѣры» св. Кирилла и Меѳодія. — «Кириллъ и Меѳодій просвѣтители славянскіе (чт. общ. ист. и древн. 1846 г.).

III.

Говоря доселѣ о значеніи для русской церкви Кирилла и Меодія, какъ просвѣтителей другихъ славянскихъ народностей, и о значеніи ихъ, какъ апологетовъ славянства предъ папскимъ престоломъ, мы не касались еще того труда ихъ, который и начинается и вѣнчается собою ихъ великое дѣло: мы не говорили еще обстоятельно объ изобрѣтеніи славянской азбуки Кирилломъ и Меодиємъ и о богослуженіи на славянскомъ языкѣ, которое внесли они въ славянскій міръ. Когда мы говорили о преемственномъ переходѣ славянскихъ началъ въ русскую церковь и о томъ, какой оплотъ для Руси составили эти начала, будучи еще на чужой почвѣ, здѣсь не приходилось говорить о значеніи этихъ началъ для извѣстной церкви въ томъ случаѣ, когда имъ предоставлено развитіе правильное, незамедляемое. Для насъ, самою собою разумѣется, важенъ здѣсь не тотъ вопросъ: «Кириллъ или Меодій изобрѣли славянскую азбуку»? Или: «какія книги св. Писанія переведены Кирилломъ и въ Моравіи и Македоніи, и какія достались на долю Меодія»? Не важенъ для насъ и тотъ вопросъ: какая славянская народность послужила непосредственнымъ поводомъ къ изобрѣтенію азбуки и переводу св. книгъ? Важно то, что изобрѣтеніе славянскихъ письменъ не было слѣдствіемъ одного только порученія византійскаго правительства, а было на-противъ дѣломъ внутреннего сознанія и убѣжденія, выработаннаго всею обстановкою ихъ жизни. Сла-

вянская азбука и переводъ св. книгъ были выраженіемъ того живаго начала, которое составляло пароль и лозунгъ дѣятельности св. братьевъ. Начало это выражается такъ: «въ воспитываемомъ народѣ благонамѣренный просвѣтитель долженъ возбудить, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, его собственную самодѣятельность, долженъ пробудить мѣстную народную жизнь, народное самосознаніе». А что можетъ быть важнѣе для этой цѣли, какъ не народная письменность, какъ не богослуженіе на родномъ языкѣ?!—Но возвратимся къ исторіи. «Мню, яко русская грамота честнѣйши есть паче еллинскія, святъ бо ея мужъ сотворилъ есть» (*). «Аще бо кто вопроситъ», продолжаетъ составитель сказанія, «греческа книжника, глаголя: кто вы есть грамоту сотворилъ или книги преложилъ..., то рѣдцѣ отвѣтъ дати могутъ и не мнози вѣдають». Т. е. въ глазахъ составителя этаго сказанія изобрѣтатели славянской грамоты стоятъ выше народнаго генія греческаго. Заслуги здѣсь, конечно, преувеличены. Впрочемъ и не преувеличенное значеніе азбуки, изобрѣтенной Кирилломъ и Меодіемъ, все таки огромно. «Ей обязаны мы возможностью выражать большую часть звуковъ голоса человѣческаго, которые въ буквахъ, изображающихъ азбуку латинскую, изображены быть не могутъ» (**). Азбука Кирилловская составлена съ полнымъ приспособленіемъ къ звукамъ, какіе произно-

(*) «Преложеніе грамотамъ». Оно приведено въ цѣломъ видѣ у Бодянскаго.

(**) Чтенія о русскомъ языкѣ 1840 г.

силы славяне подъ вліаніемъ своего историческаго развитія, мѣстныхъ и климатическихъ условій. Вотъ значеніе этой азбуки, какъ явленія вполне оригинальнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне разумнаго и необходимаго. Но азбука, какъ бы ни была хорошо составлена, получаетъ свое значеніе отъ языка, для котораго составлена. Чтожь это было за языкъ? Это былъ языкъ, заключавшій въ себѣ, какъ говоритъ Бодянский, «звуки того изъ говоровъ необозримаго своей численностію славянскаго племени, который, превосходя прочихъ собратьевъ богатствомъ, звучностію, стариной и разнообразіемъ формъ, составляетъ для всѣхъ ихъ языкъ разъяснительный; что Готскій въ семьѣ нѣмецкой, Латинскій въ романской, Санкритскій въ цѣлой индо-европейской; а для разъединеннаго славянскаго народа сверхъ того и теперь еще тоже самое, чѣмъ предназначался было служить имъ съ устроенія «письменъ по словенствѣи рѣчи, то есть звѣномъ собранія въ одну точку всѣхъ лучей славянскаго міра, талисманомъ противъ дальнѣйшаго разложенія его и гибели, который потому, какъ первый по меньшей мѣрѣ, древнѣйшій, извѣстный намъ источникъ славянскаго языка, долженъ быть изучаемъ и усвоаемъ всѣми славянскими вѣтвями, если уже не ради соединенія церквей, по крайней мѣрѣ ради сохраненія славянской народности, чтобы намъ не онѣмечиться, не отатариться, не сдѣлаться отщепенцами отъ общаго родника народности, уцѣлѣвшей донинѣ вопреки урагану 10 вѣковъ» (*). Тоже

(*) О времени происх. слав. племень, стр. 380.

самое и съ тѣми же приложеніями къ современности говорить и Шафарикъ(*) и другіе славянскіе ученые. Въ ту пору этотъ языкъ—языкъ церковно-славянскій—не нуждался, чтобы убѣждали заниматься имъ. Принадлежа болѣе другихъ славянъ славянамъ македонскимъ, онъ годился и для моравскихъ славянъ, былъ понятенъ и для жены Боровя Богемскаго, годился и для Нестора, который писалъ уже 250 лѣтъ спустя послѣ Кирилла и Меодія и свидѣтельствовалъ кромѣ того, что въ его время письмена и языкъ славянскіе были еще общіе у всѣхъ славянскихъ народовъ(**). Чѣмъ же сдѣлалась кириллица, какъ азбука столь важнаго языка? Кириллица явилась какъ могучее нравственное орудіе внутренняго соединенія славянскихъ племенъ между собою и ихъ обособленія въ кругу европейскихъ народовъ германо-романскаго міра(***). Вотъ какъ выражается по этому о кириллицѣ составитель одного древняго сказанія: «явленіе буквъ въ нашъ языкъ—болѣе и честнѣе паче всякаго золота и серебра и каменія драгаго и богатства преходящя», и прибавляетъ, что посредствомъ ихъ славянское племя сопричтено «къ великимъ языкамъ, иже славятъ Бога своимъ языкѣмъ»(****). По этому—то паписты такъ хотѣли бы отнять у Кирилла и

(*)

(**) День 1862 г. № 29.

(***) Тамъ же.

(****) Боданскій «о времени происхожденія слав. племенъ»

стр. 384.

Меодія изобрѣтеніе Кириллицы и приписать имъ только азбуку глаголитскую, азбуку, которая по своей неестественной вычурности и неудобству могла сдѣлаться привилегією только немногихъ, а не могла сдѣлаться орудіемъ общаго образованія, достояніемъ массъ, которая была въ рукахъ папистовъ чѣмъ-то въ родѣ тайнописи(*), посредствомъ которой думали подавить кириллицу, которая распространялась все болѣе и болѣе, чѣмъ-то въ родѣ грамматической уніи(**), предшествовавшей уніи въ собственномъ извѣстномъ смыслѣ, и которая доживаетъ свое «бесплодное, ненужное» существованіе въ уголкѣ хорватскаго приморья и въ славянскомъ институтѣ, состоящемъ при римской коллегіи пропаганды. По этому-то старались даже доказать, что Кириллъ и Меодій нѣкоторымъ образомъ составили свой особенный языкъ, искусственный, образовавшійся болѣе подъ вліяніемъ паннонскихъ и моравскихъ стихій, нежели македоно-славянскихъ(***) . Но довольно. Мы слышали что кириллица была достойною азбукою одного изъ величайшихъ языковъ. Пора вспомнить, что преемственно наследовали ее отъ св. братьевъ и мы. Какое же она имѣетъ значеніе для насъ? Конечно тоже, какое и для другихъ народовъ. Гдѣ она уцѣлѣла, тамъ уцѣлѣла и народность, тамъ даже пришлыя народности, хотя бы онѣ составляли господствующую

(*) День 1862 г. № 29 статья Гильфердинга.

(**) Чтеніе о русскомъ языкѣ 1840 г.

(***) Мнѣніе Кошутара.

щее сословіе въ странѣ, ослабѣли, о какъ это видимъ на болгарахъ. Откуда изгонялась кириллица, оттуда вмѣстѣ съ тѣмъ изгонялось и православно-восточное исповѣданіе, тамъ страдала и народность сколько отъ западнаго насилія, столько же и отъ нарушенія правильнаго развитія. Въ Крoаціи и Далмаціи напр. ничѣмъ лучше нельзя было нанести оръжійнаго удара православію, какъ запрещеніемъ кириллицы: потому что изъ-за ней, изъ-за этой азбуки, запрещено и все, что неразрывно связано съ ней. А съ ней связано многое: связано богослуженіе на славянскомъ языкѣ, связана вообще первая народная письменность — первые проблески народнаго самосознанія и развитія, связана свобода отъ внѣшняго насильнаго вліянія, которое выражается сначала въ немногомъ, потомъ поражаетъ изъ себя ни больше ни меньше, какъ механическую цивилизацію, накладную, невышедшую изъ началъ народной жизни, связана наконецъ сама религіозно-нравственная жизнь народа, потому что религіозное чувство требуетъ для себя выраженія осязательнаго, — а отсюда въ народѣ возникаютъ новыя, существенныя формы жизни, появляются храмы, монастыри, братства, — формы, вліяющія на всю, окружающую ихъ жизнь. Для насъ русскихъ такимъ образомъ кириллица имѣла еще больше значенія, кромѣ общихъ всѣмъ славянамъ благъ; она принесла намъ еще другія блага, — вмѣстѣ съ нею къ намъ перешель давно уже готовый переводъ всего почти св. Писанія и бывшихъ

тогда богослужебныхъ книгъ, перешелъ порядочный запасъ церковно-славянской письменности, на которой воспитывались потомъ наши первые лучшіе люди (напр. дѣтописцы, нѣкоторые князья), вмѣстѣ съ нею открылось у насъ поприще полезной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ для другихъ славянъ, предупредившихъ было насъ своимъ развитіемъ. Не потому ли то, между прочимъ на Руси реакція въ пользу язычества, столь сильная въ другихъ земляхъ славянскихъ, подвергавшихся вліянію папства,—не потому ли была такъ слаба, что новая грековосточная вѣра приняла насъ дружелюбно и щедро наградила нравственными богатствами, которыя мы легко могли усвоить себѣ? Какъ же велико значеніе для нашей церкви Кирилла и Меѳодія, которыми скоплены были для насъ эти нравственные богатства?!

IV.

Наконецъ Кириллъ и Меѳодій имѣютъ самое непосредственное значеніе для нашей церкви, какъ просвѣтители нашихъ предковъ въ землѣ Козарской. Обыкновенно думали доселѣ, что поѣздка славянскихъ просвѣтителей къ Козарамъ—народу не славянской, а тюрко-татарской семьи есть эпизодъ въ ихъ жизни, ничѣмъ не связанный ни съ предыдущими, ни съ послѣдующими ихъ трудами. Но такое мнѣніе приходится оставить (*). Дѣйствительно труд-

(*) О козарахъ будетъ говорено по Гильфердингу.—Мнѣніе г. Платонова (Дух. Вѣстн. 1862 г. «жизнь и подвиги слав. просвѣтителей Кирилла и Меѳодія») въ сущности не противорѣчитъ мнѣнію

но было бы дать этой поѣздкѣ определенное, не эпизодическое значеніе, еслибъ она предпринималась изъ-за однихъ только козарь, которые «бѣше народъ скиѣскій» (*) и языкъ которыхъ не былъ знакомъ славянскимъ братьямъ. Но дѣло въ томъ, что тогда юго-восточная часть полянъ находилась подъ властію козарь, которые брали дань съ славянъ, вятичей и сѣверянъ. Славяне составляли въ державѣ хана козарскаго стихію весьма значительную. Доказать это не трудно. Собственно козарская стихія сосредоточивалась въ степяхъ при—каспійскихъ, бесплодныхъ и не годныхъ къ заселенію; значить, главная масса жителей ханства были славяне, тѣмъ болѣе, что они, какъ видно изъ арабскихъ писателей, простирались далеко на востокъ и юго-востокъ воть несторовыхъ сѣверянъ и вятичей, по Дону и нижней Волгѣ, и, кажется, жили колоніями и у Азовскаго моря. Тогда югъ нынѣшней Россіи былъ несравненно болѣе славянскимъ, чѣмъ въ послѣдствіи. Уличи и тиверцы, по Нестору, простирались вдоль Днѣпра до моря и имѣли тамъ свои города, которыхъ позднѣе уже не видно. Съ VI вѣка славянская стихія все приликала на югъ, къ Черному морю и за Дунай; но съ X вѣка, со времени вторженія печенѣговъ и образованія на сѣверѣ Россіи самостоятельнаго государства, въ которомъ тѣснимые дикими пришельцами славяне

г. Гильфердинга г. Платоновъ полагаетъ, что человекъ, съ которымъ встрѣтился св. Кириллъ въ Херсонѣ, былъ Варяго—Русь.

(*) Четь—Миней статья «О козарѣхъ».

находились убожище, начался отлив славянской стихии на сѣверъ. Такимъ образомъ печенѣги, половцы, татары прогнали славянъ на сѣверъ, но въ половинѣ IX вѣка—во времена Кирилла и Меодія—въ черноморскихъ странахъ властвовали еще козары, и подь ихъ властію въ ихъ странѣ было много еще славянъ, подчинявшихся имъ безъ всякаго сопротивленія, особенно если прибавить еще сюда славянскихъ промышленниковъ, торговцевъ, плѣнныхъ, можетъ быть, служилыхъ людей. Въ Византіи имѣли возможность знать такой составъ козарскаго народонаселенія. И вотъ—по этому-то для мисіи къ козарамъ были назначены люди, сдѣлавшіеся предварительно извѣстными въ Константинополѣ со стороны своего спеціального дѣла—просвѣщенія славянъ. По этому-то Кириллъ приглашалъ съ собою въ козарію Меодія на томъ основаніи, что Меодій «умѣяше языкъ словенскъ». Вообще мисія къ козарамъ, официально назначенная для кагана, опиралась на славянской стихіи ханства. Успѣхъ по отношенію къ козарамъ былъ не великъ, но какъ знать о славянахъ? Они оставались въ тѣни предъ господствующимъ племенемъ, по которому звалась и самая земля. А между тѣмъ смыслъ преданія о встрѣчѣ просвѣтителей съ Русскимъ въ Херсонѣ наводитъ на мысль, что Кириллъ старался примѣнить свое нарѣчіе и свой переводъ св. книгъ къ языку подвластныхъ козарамъ славянъ. Вотъ, можетъ быть, гдѣ основаніе върванію, что Кириллъ для русскихъ переложилъ св. книги. Да,

Кирилль и Меодій положили основаніе христіанству, просвѣщенію и здѣсь. Посвянное ими, можетъ быть, взросло и обнаружилось при Аскольдѣ и Дирѣ, которымъ покорились чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ проповѣди Кирилла и Меодія козарскіе славяне. Реакція въ пользу язычества при Олегѣ, равенство христіанства язычеству при Игорѣ (*)—эти факты не могли же развиться безъ подготовки, безъ внѣшнихъ побужденій, и предполагають многолѣтнее уже возрастаніе христіанства на Руси. Не было ли связи между событіями? Не было ли напр. обращеніе Аскольда плодомъ предварительнаго знакомства южно-русскихъ славянъ съ христіанствомъ, плодомъ пришествія апостоловъ славянскихъ въ козарскую державу, гдѣ они обратили 200 человекъ и выхлопотали у кагана свободу христіанскаго вѣроисповѣданія? И если принялъ христіанство Аскольдъ, то не было ли его рѣшеніе слѣдствіемъ того, что онъ нашелъ уже между славянами при—днѣпровскими исповѣдниковъ новой религіи и ихъ—то, можетъ быть, надѣялся сдѣлать опору новаго порядка вещей. «Во всякомъ случаѣ, заключаетъ Гильфердингъ, ведетъ ли христіанство начало отъ личнаго дѣйствія Кирилла и Меодія въ южномъ краѣ нашего отечества, или нѣтъ, одно несомнѣнно: Кирилль и Меодій проповѣдывали славянамъ въ нашемъ отечествѣ и именно славянская стихія обусловливала ихъ миссію въ этотъ дальній край». И мы слѣдовательно были несправедливы,

(*) См. договоръ его съ Византією.

когда думали, что «нашъ народъ» не пользовался ихъ личною непосредственною проповѣдію. Нѣтъ, нужно и восточныхъ славянъ, славянъ русскихъ, нашихъ предковъ, включить въ кругъ непосредственной дѣятельности св. братьевъ.

Таково великое значеніе Кирилла и Меодія, и непосредственное и посредственное, для русской церкви. Впрочемъ въ настоящее время еще нельзя исчерпать вполнѣ вопроса о ихъ значеніи для нашей церкви: потому что славянскій міръ, къ которому принадлежимъ и мы, не сказалъ еще своего послѣдняго слова. Объединеніе славянъ между собою, слабо мелькнувшее при св. солунскихъ братьяхъ, предстоить еще въ будущемъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ вятской типографіи К. Я. Блинова отпечатаны *вторая и послѣдняя третья части Систематическаго свода ученія св. отцевъ церкви о душѣ человѣческой*, составленнаго протоіереемъ Стефаномъ Кашменскимъ. Вторая часть состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ книгъ. Во всѣхъ трехъ книгахъ 814 страницъ, въ большую осьмую долю листа. *Цѣна три рубля*, а съ пересылкою 3 р. 50 к. Желающіе выписывать могутъ обращаться къ протоіереею Знаменской церкви Стефану Кашменскому, въ г. Вятку.

СОДЕРЖАНІЕ: I) Поученія, выбранныя изъ св. отецъ (продолженіе). II) Отношеніе ветхаго завета къ новому. III) *Слово...* IV) О значеніи славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меодія. V. Объявленіе.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости» выходятъ два раза въ мѣсяць. Цѣна годовому изданію, въ редакціи, 4 р.; а съ доставкою на домъ въ г. Вяткѣ, или съ пересылкою въ другія мѣста, — 5 рубл. Подписка принимается въ редакціи сихъ Вѣдомостей, которая помѣщается въ зданіяхъ вятской духовной семинаріи.

Редакторъ, ректоръ семинаріи, *Архимандритъ Павелъ.*

Дозволено цензурою, 20 апрѣля 1866 года.
Вятка. Въ типографіи К. Блинова.